

НОВГОРОДСКАЯ ЗЕМЛЯ И ЕЕ ГОСПЕДИ

Т. МАНУСАДЖЯНАС

НОВГОРОД НА ПОЛИТИЧЕСКОМ ПЕРЕКРЕСТКЕ В 1470–1471 ГГ.*

Более двухсот лет (до начала событий 1470–1471 гг.) Новгород, как правило, признавал своим сувереном того князя, который занимал престол великого князя во Владимире на Клязьме. В зависимости от обстоятельств им мог быть, к примеру, князь Твери, Костромы, Переяславля-Залесского, Москвы. Тем самым Новгород признавал зависимость и от хана Золотой Орды, который “стоял” за спиной великого князя Владимирского. Однако эта постоянная власть одного ответвления Рюриковичей для Новгорода (это не было характерно для домонгольского периода) не укрепила власть Новгородского суверена в самом Новгороде. В течение двухсот лет (до Яжелбицкого договора) Новгороду удалось укрепить свои государственные структуры, не связанные с князем Новгородским (фактически. Владимирским), и свести до минимума права последнего в управлении Новгородом. Подобным же образом с отказом от апелляционного суда митрополита (1385 г.) была ослаблена и так уже слабая зависимость архиепископа Новгородского от митрополита всея Руси в Москве. Создается впечатление, что Новгород, уже не имея в послемонгольские времена возможности выбрать для себя суверена, старался сделать его власть номинальной. Как известно, такое стремление Новгорода столкнулось со все укрепляющимися интересами великого княжества Московского. Первым ярким знаком перевеса Москвы был Яжелбицкий договор, подписанный в 1456 г. и не только ограничивший свободу Новгорода в проведении зарубежной политики, но и предоставивший больше прав великому князю Московскому/Владимирскому в управлении Новгородом. Для новгородцев таковые обстоятельства должны были показаться шагом назад: ведь с самого начала XII в. общим направлением политического развития Новгорода было су-

---

* Статья печатается в авторском варианте оформления. Перевод с литовского Э.Бурнейкене.

жение прав своего князя! В результате завязавшегося не на жизнь, а на смерть поединка между Новгородом и Москвой встал и вопрос, который двести лет, практически, не вызывал сомнений, о зависимости Новгорода от политической системы великого князя Владимирского. Во всей своей остроте этот вопрос политической зависимости Новгорода проявился в 1470–1471 гг. Однако он поднимался и раньше; в большинстве своем это были претензии внешних сил (Литвы), без особых усилий отвергавшиеся новгородцами. Между тем на этот раз данный вопрос “назрел” в самом Новгороде.

В настоящей статье автором предпринимается попытка исследования альтернатив выбора Новгородом в 1470–1471 гг. форм политической зависимости, а также рассмотрения самого выбора и реконструкции и анализа программ, представляемых новгородцами, придерживавшимися различных политических взглядов*.

В источниках первые упоминания об открытом стремлении части новгородцев выйти из политической системы великого князя владимирского и перейти во власть великого князя литовского встречаются при описании так называемого “кризиса отчины”. Данное условное определение употребляется автором с целью облегчения работы со столь обширным эмпирическим материалом. Под “кризисом отчины” понимается внутренний кризис Новгорода, возникший по возвращении новгородского посла Никиты Ларионова из Москвы. Никита Ларионов был послан испросить охранные грамоты для избранного архиепископа Феофила, намеревавшегося отправиться в Москву. Охранные грамоты Никита Ларионов получил, однако по возвращении его в Новгород и после оглашения ответа великого князя московского в Новгороде стали разгораться внутренние разногласия и борьба. Часть новгородцев стала протестовать против сближения с Москвой, и подняла вопрос о политической зависимости Новгорода. В период между “кризисом отчины”, происходившим в конце 1470 г., и окончанием в августе 1471 г. войны между Новгородом и Москвой вопрос о зависимости Новгорода от Москвы или Литвы являлся чрезвычайно важным. Мнения новгородцев относительно решения данного вопроса разделились

Можно говорить о том, что в 1470–1471 гг. Новгород оказался как бы на политическом перекрестке. Под ним следует понимать ситуацию выбора Новгородом политической независимости. Данный выбор можно рассматривать по крайней мере в двух аспектах:

1) Новгород, как и каждый политический субъект, обладал фактической свободой выбора политической зависимости. Таков **внешний** аспект рассматриваемой ситуации.

---

* Автор выражает огромную благодарность проф. Э.Гудавичюсу, научному руководителю магистерской работы, на основе которой подготовлена данная статья.

2) В связи со спецификой внутреннего строя Новгорода закономерен вопрос, в какой мере определенную позицию можно считать позицией всего Новгорода, и в какой мере лишь определенной его части. Иначе говоря, вопрос состоит в том, в какой мере можно считать Новгород единым фактором и чем определялся выбор политической зависимости **внутри** Новгорода.

В процессе изучения событий 1470–71 гг. автором настоящей статьи были привлечены следующие источники: “официальные” московские великокняжеские летописные своды 1472 и 1479 гг.; письма митрополита московского Филиппа Новгороду; “Словеса избранные” — по всей видимости, рассказ о событиях 1471 г. создан в окружении митрополита Филиппа; “неофициальные” московские источники (Северо-Восточной Руси); варианты того же рассказа в Типографской летописи. Софийской первой летописи и Львовской летописи; новгородские источники, сохранившиеся в Строевском списке Новгородской четвертой летописи и Устюжском летописном своде; псковские источники: Псковские II-ая и III-ья летописи.

Наиболее исчерпывающими являются московские источники, довольно подробны и псковские; новгородские наиболее лаконичные, однако они представляют особенную ценность при изучении внутренней истории Новгорода.

* * *

Прежде чем перейти к обсуждению ситуации выбора Новгородом политической зависимости, необходимо выяснить, в какой степени можно говорить о Новгороде 1470–1471 гг. как о целом, и в какой степени как об отдельных группировках, отражающих позицию лишь части новгородцев. Новгород как целое представляется в качестве единого целого всех его государственных институтов, в том числе и веча. По формуле Новгородской договорной грамоты с Казимиром договор был заключен *“с нареченным на владычество съ Феофиломъ, и с посадники новгородскими, и с тысяцкими, из бояры, и съ жителями, и с купци, и со всемъ Великимъ Новымъгородомъ”*. Именно эти жители Новгорода и были, на наш взгляд, той элитой, которая могла непосредственно оказывать влияние на политическую позицию Новгорода. Как же в источниках отражается выдвинутая нами проблема? Можно выделить два вида противоречий:

- 1) внутренняя борьба;
- 2) разногласия в военных делах.

Во-первых, попытаемся выяснить, содержится ли какая-либо информация о внутренней борьбе в уже упомянутых выше источниках.

Некоторые источники не говорят о внутренней борьбе в Новгороде или, по крайней мере, не акцентируют на ней внимание. Например,

“Словеса избранные” по сути трактуют Новгород как едино действующий фактор. Подчеркивается, что на Шелонскую битву решил пойти весь Новгород, имеются лишь незначительные упоминания о разногласиях между Феофилом и пролитовской группировкой. О внутренней борьбе можно предположить по выражению *“вси совокупишася во едину мысль”*, после чего новгородцы идут на переговоры. В псковских источниках также не упоминается о внутренней борьбе. Говорится лишь о расправе всего Новгорода с Пименом. В письме митрополита Филиппа выявляется разница между новгородцами, “живущими в православии” и теми, кто желают “перейти в латинство”. Однако не говорится о их борьбе между собой, лишь первые призываются наставить вторых на путь истинный. В московских же летописных источниках напротив, утверждается, что внутренняя борьба в Новгороде была, причем, довольно острая; она подробно описывается. “Официальные” летописи даже два раза останавливаются на внутренней борьбе в Новгороде. Например, Никаноровская летопись, говоря о волнениях в Новгороде по возвращении Никиты Ларионова утверждает: *“И тако възмаетеся весь град их и всколебашеся, яко пияни /.../ И велико неустроение бяше в них, и меже себь ратахуса, самими на ся востающе”*. Во второй раз внутренние волнения, возникшие после того, как московские послы передали послание Ивана III, описываются так: *“И тако бо бе возмущение в них. яко же в Иерусалиме бысть /.../ яко же бо та тогда, тако и сии ме? себе брань творяху”*.

Так называемые “неофициальные” московские источники создают несколько противоречивое впечатление: с одной стороны, утверждается, что все новгородцы послали послов в Литву: *„И сняшася посадници на вече и Новгородцькив бояре вечьници и крамолници и суровии чловеци и вси Новгородци и послаша къ оканному Ляху и Латынину кралю Казим[ир]у Литовскому, /.../ Земстии же людие того не хотяху, но они, ихъ не слоушающе, оуладишася с королемъ”*. Особого внимания заслуживает упоминание о “земстии людех”, которое находим только в варианте “неофициального рассказа” Типографской летописи и которое можно отнести примерно к 1471 г. С другой стороны, говорится о значительных внутренних разногласиях между новгородцами (возможно, здесь речь идет о несколько более позднем периоде): *“В та же времена великъ мятежъ в нихъ бысть межи собою и многи бои межди бяше, овии бо хотяху за великого князя, инии же мнози за короля”*.

Между тем, новгородские источники вообще не говорят о тех внутренних разногласиях, которые находятся в центре внимания московских источников, то есть о довоенных разногласиях относительно выбора Литвы или Москвы. Тем не менее, сведения о разногласиях имеются, однако о других разногласиях, о которых не упоминают московские источники. Они возникли позже, уже после Шелонской битвы,

примерно в то время, когда великий князь прибыл в Русу: *“И бысть в Новегороди молва велика, и мятежь многа, и много лжа неприазнена, сторожа многа по граду и по каменным кострам на переменахъ день и ночь. И разделишася людие: инеи хотяху за князя, а инии за короля за Литовського”*. Позднее, после поджога новгородцами в оборонительных целях пригородных монастырей и поселений, создалось такое положение: *“... и много бысть Новгородцемъ пагубы, и хлеб дорогъ /.../. И бысть на лутыише люди молва, яко те приведоша великого князя на Новгородъ, а то Богъ сердцевидецъ и суди имъ, зачинающимъ рать и обидящимъ насъ”*.

Во-вторых, следует упомянуть о разногласиях, касающихся военных дел. О них говорится лишь в “официальном” Московском своде и в Строевском списке Новгородской четвертой летописи. Описывая битву под Русой, летописец Новгородской четвертой летописи подчеркивает: *“а коневая рать не пошла к пешей рати на срокъ в пособие, зоне же владычнь стягъ не хотяху оударитися на княжю рать, глаголюще: “владыка намъ не велель на великого князя руки подынути; послалъ насъ владыка на Псковичь”*. Эти данные являются очень ценными. Они показывают, что разногласия между новгородцами были на самом деле острыми. Архиепископ Феофил, хотя и был вынужден смириться с пролитовским направлением новгородского правительства, действовал в противоположном направлении. Действительно, можно отчасти в некотором смысле согласиться с мнением Ф. Конечно, утверждающим, что в таких условиях это “было равно переходу в сторону врага”; отчасти потому, что в источнике все-таки не сказано, что полк архиепископа не пришел на помощь, а что **вовремя** не пришел.

Вот как в том же самом источнике описывается ситуация перед началом Шелонской битвы: *“И начаша Новгородцы вопити на больших людех, которыи приехали ратью на Шолону: “оудоримся ныне”, каждо глаголюще: “язъ человек молодый, испротеряхся конемъ и доспехомъ”*. Данная ситуация трактуется, исследователями по-разному, но существенным для обсуждения вопроса, на наш взгляд, является то, что здесь говорится не о желании или нежелании бороться с Москвой, а о разногласиях, касающихся тактических моментов. Московский официальный летописец так описывает армию новгородцев перед началом Шелонской битвы: *“А новгородские посадники и посачьские (должно быть тысяцкие. — Т. М.), и купцы, и житии люди, и мастера всякие, спростареици, плотницы и гоньчары и прочии, котории родився на лошади не бывали и на мысли которым того не бывало, что руки поднати противу великого князя; всех тех изменници они силою выгнаша, а которым бы не хотети поитти к бою тому, и они сами тех разграбляху и избиваху, а инных в реку Волховъ меташа; сами бо глаголаху, яко было сорокъ тысячъ на бою томъ”*. Эта весть, даже в случае, если применение насилия при наборе полков новгородцев не вызывает сомнений, явно преуве-

личена. Нельзя в этой связи не согласиться с риторическими сомнениями Л.В.Черепнина: “Могла ли действительно кучка бояр, принадлежавших к партии Борецких, насильно заставить воевать 40 тысяч человек?” Московские великокняжеские летописные своды вообще несколько приукрашивают победу Москвы и высмеивают новгородцев.

Таким образом, анализируя содержащиеся в источниках сведения, можно прийти к заключению, что в исследуемый период среди новгородцев имели место очевидные и довольно острые разногласия. Возникает вопрос: какова в таком случае степень возникших разногласий?

Для политического строя Новгорода острая вечевая борьба была привычной, иногда возникали даже расколы, то есть создавались два или более враждебных веча, имели дело и междоусобные военные действия. По имеющимся в источниках сведениям трудно судить, перешла ли внутренняя борьба границы привычных вечевых собраний и привела ли к открытому расколу. По нашему мнению, представляется возможным утверждать, что, несмотря на острую внутреннюю борьбу, открытого раскола и междоусобной войны не было. Ведь Московский летописный свод конца XV в. хотя и говорит об острой борьбе, даже о вооруженных действиях — “...меже себѣратахуся...”, “меж себѣ брань творяху”, все-таки позволяет думать, что политические вопросы обсуждались только на одном вече; как сторонники Литвы, так и сторонники Москвы приходят и спорят в одном и том же месте, даже бросаются камнями. Как уже упоминалось, в новгородской истории были случаи, когда главное вече распадалось, но на этот раз об этом не говорится. Разногласия в военных делах, острые или не столь острые, все-таки не показывают открытого раскола Новгорода, они возникают в одной войске, на “одной стороне барикад”. Все же и полк архиепископа, по всей видимости, наконец, включился в бой.

Кроме того, весь ход и логика событий позволяет утверждать, что, несмотря на разногласия, Новгород сумел удержать единую позицию: говорится об одном правительстве Новгорода, о послых Новгорода, а не послых какой-нибудь его части и т.п. Следовательно, велика вероятность того, что открытого раскола не было (во всяком случае, столь долговременного). Важно то, что новгородские источники, пусть и не столь подробные, не упоминают о тех внутренних разногласиях, которые акцентируются московскими источниками (возможно, что указанные разногласия для Новгорода не были исключительным явлением).

Таким образом, исследование ситуации 1470–1471 гг. должно, на наш взгляд, основываться на анализе общей (если угодно — официальной) позиции Новгорода и ее изменениях. Тем не менее, при обсуждении ситуации, когда Новгород оказался на политическом перекрестке, нельзя оставить без внимания вопрос о внутренних разногласиях. Дело в том, что источники позволяют говорить о довольно явно выде-

лившихся “частях” новгородской элиты, которые связывали будущее Новгорода или с Литвой, или с Москвой. Отсюда вытекает, что целесообразно анализировать программы деятельности названных “частей” в отдельности.

Понятие *партии* для данных групп новгородской элиты используются многими исследователями. Параллельно часто используется понятие одной или другой ориентации. Ф. Конечни использует более емкое понятие “*stronnictwo*”, охватывающее как понятие партии, так и понятие группировки. В.Л. Янин также использует определение “боярской группировки”, во всяком случае, применительно к более раннему периоду.

Конечно же, это не принципиальный вопрос, как назвать эти группы — партиями или группировками. Однако, автору в большей степени импонирует термин “группировка”.

Но прежде остановимся на *официальной позиции* Великого Новгорода на период 1470—1471 гг. Позиции отдельных группировок, их программы, будут освещены несколько позже, в равной степени как и проблема рукоположения архиепископов, которая тесно связана с вопросами политической зависимости.

* * *

Прибытие в Новгород Михаила Олельковича 8 ноября 1470 г. не означало стремления Новгорода перейти во власть великого князя литовского: “*Новгородцы же прияха его честне. Намесниковъ же князя великого не сослаша с Городища...*”. Конечно, такие намерения со стороны пролитовской группировки уже могли возникнуть и в то время, и даже раньше. Говоря о том, что новгородцы *в последнее время* (после 1456 г.) не соблюдают договора с великим князем московским, автор “Словес избранных” добавляет: “*а сами дер?ачи собе мысль, хотячи отступити отъ своего государя отъ великого князя, а дается королю Латиньскому государю, хотячи лиха всему православу?*”. В.Н.Бернадский предполагает, что к заключению соглашения с Казимиром в 1471 г. готовились заранее.

В любом случае, прибытие в Новгород Михаила Олельковича ничего не изменяло в политической зависимости Новгорода. Видимо, вопрос выбора зависимости тогда еще открыто не поднимался. Приглашение Михаила Олельковича могло быть подготовительным шагом пролитовской группировки. Михаил Олелькович прибыл во время “*кризиса Василия Ананьина*”, когда очень обострились отношения между Новгородом и Москвой и опасность нападения Москвы представлялась реальной: “*...князь великий /.../ на конь всести хотель*” против Новгорода. Суматоху должна была внести смерть архиепископа Ионы за три дня до прибытия литовского князя. С ведома Ионы и дол-

жен был быть приглашен Михаил Олелькович. Имея в виду дальнейшее развитие событий, можно утверждать, что это ослабило позиции пролитовской группировки.

По словам “Словес избранных”, кандидат пролитовской группировки в архиепископы Пимен “... *отъ /.../ Григорья /.../ и поставления себе требование, известуя людямъ сие глаголаше: “хотя на Киевъ мя пошлите, и тамо язъ на свое поставленье еду”*”. Таким образом, пролитовская группировка, воспользовавшись случаем, стала всерьез призывать к рукоположению архиепископа у “альтернативного” митрополита. Автор полагает, что это могло произойти еще до выборов. Выборы нового архиепископа, в которых победу одержал настроенный против рукоположения в Киеве кандидат, на время усилили промосковские настроения. Была совершена расправа с кандидатом пролитовской группировки в архиепископы Пименом. Имея намерения рукоположить нареченного архиепископа в Москве, туда испросить охранные грамоты был отправлен послом Никита Ларионов. Это было не только акцией нареченного архиепископа; посла отправляли все новгородцы, весь Великий Новгород. Такое предположение подтверждается и ответом Ивана III (“*Что отчина моя, Великий Новгород, прислали ко мне бити челомъ...*”), и самой охранный грамотой.

По возвращении Никиты Ларионова в Новгороде возникли большие волнения, которые уже были названы выше “кризисом отчины”. К Казимиру после победы сторонников пролитовской ориентации была послана делегация из Новгорода. Делегация отправлялась “*от нареченного на владычество Феофила, и от посадника степенного, и от тысяцкого степенного /.../ и от всего Великого Новгорода*” — следовательно, полномочия ей были даны всем Новгородом. Делегация, по-видимому, заключила с Казимиром договор, который является основным источником и единственным документом, свидетельствующим о новых отношениях Новгорода и великого княжества Литовского.

Итак, Новгород принял решение. Другой вопрос, какова была позиция противников такого шага, однако выбор был сделан от имени всего Новгорода и, следует полагать, по принятому в Новгороде порядку. В соответствии с настоящим договором, Новгород признал Казимира своим сувереном. Важно то, что, как заметил Л.В. Черепнин, король Казимир принял на себя обязательства лишь как великий князь литовский (“*за все свое княжество и за всю раду литовскую*”). Следовательно, вышеупомянутый договор можно с полным основанием считать договором между Новгородом и Великим княжеством Литовским, не придавая особого значения тому факту, что Казимир в то же время был и королем Польши. Казимир должен был занять место великого князя Московского: его наместник с тивуном, придворным и администрацией должны были поселиться в Городище, к нему перешли прежние права великого князя Мос-

ковского, доходы и ограничения, а также обязанность взывать “черный бор” для татар. Таким образом, переход во власть Литвы вовсе не означал стремления избавиться от верховной татарской власти.

Специально исследовавший текст договора Л.В.Черепнин замечает, что новгородцы предоставили Казимиру более урезанные по сравнению с великим князем Московским права, а значит, даже при таких сложных обстоятельствах новгородцы остались верными своей политической линии. Договором регламентируются военные обязательства короля. Обязательство Казимира *“всести на конь за Велики Новгород и со всею своею радю литовскою против великого князя [Московского. — Т.М.], и боронити Велики Новгород”*. Данное обязательство относится не только к случаю нападения самого великого князя Московского, но и к тому случаю, если нападают его сыновья, брат или даже сторона, которую ему удалось бы подтолкнуть. Стремление Новгорода обезопасить себя вполне естественно, так как угроза со стороны Москвы была очевидной.

Данное обязательство можно оценивать либо как естественную обязанность суверена защищать своего вассала, либо как новгородско-литовский военный союз. Возможно, истина находится между этими двумя предположениями. Очевидным является то, что правительство Новгорода, признавая Казимира в качестве суверена, надеялось на военную поддержку против Москвы. Однако Новгород был таким номинальным вассалом, что в данном случае было необходимо отдельно оговорить обязательства по защите, которые должны были бы быть само собой разумеющейся обязанностью суверена. Интересными представляются два момента: во-первых, новгородцы не приняли на себя никаких обязательств по отношению к Казимиру (значит, это лишь односторонний военный союз); во-вторых, как уже было подчеркнуто Л.В.Черепниным, новгородцы стремились лишь получить поддержку великого княжества Литовского (Польша же не имела в виду). В договоре оговариваются и церковные права новгородцев. Он отчасти закрепляет за архиепископией Новгорода право на рукоположение архиепископа где угодно по своей воле.

Следовательно, ответом Новгорода на усилившееся давление со стороны Москвы (попытки ограничить свободу внутренней и внешней политики Новгорода) явился выход из долголетней подвластности великому князю Московскому и переходом во власть великого князя Литовского (в данном случае обладающего еще и титулом короля Польши). Одновременно это означало и выход из политической системы великого князя Владимирского и стремление перейти в систему великого князя Литовского.

Более сложной задачей было бы представить позицию Великого Новгорода в церковных вопросах. Как упоминалось выше, договор

1471 г. предусматривал свободу выбора места рукоположения архиепископа. Нареченный на владычество Феофил до окончания московско-новгородской войны 1471 г. так и не был рукоположен. О рукоположении архиепископа в Киеве говорилось, видимо, еще до выборов архиепископа (15 ноября 1470 г.). После избрания Феофила новгородцы намеревались рукоположить Феофила в Москве, куда и послали Никиту Ларионова испросить охранные грамоты. Однако Феофил охранными грамотами не воспользовался; митрополит Московский Филипп это оценил как волокиту в святом деле. Такой факт можно объяснить перевесом пролитовской группировки, произошедшим после “кризиса отчины”. Некоторые источники позволяют утверждать, что велись переговоры о рукоположении архиепископа у литовского митрополита Григория. Не исключено, что это было даже против воли избранного Феофила (он хотел отстраниться, но не был отпущен).

Например, в Никаноровской летописи утверждается, что делегация новгородцев также просила короля Казимира: *“архиепископа вели намъ поставити своему митрополиту Григорью”*. В “неофициальных” московских источниках говорится об отдельном визите к Григорию (или даже визите отдельной делегации): *“послаша къ /.../ Казимиру /.../и к митрополиту Григорью /.../, прося оу него собе епископа”*. Судя по летописным утверждениям в церковной сфере устоялось довольно странное равновесие – пролитовской группировке не достало сил заставить Феофила отправиться на хиротонию в Киев, однако она смогла не выпустить избранного архиепископа в Москву.

Попытка Новгорода перейти под протекторат великого князя Литовского и митрополита Литовского завершилась неизбежно войной между Новгородом и Москвой. Новгород оказался в изоляции, неудачным был для него и исход военных действий. Потерпев поражение в войне 1471 г., Новгород был вынужден вернуться под протекторат Москвы. Москве удалось ослабить самостоятельность Новгорода; Новгород дал обещание больше не переходить под власть Литвы. Кроме того, была запрещена хиротония владыки где-либо, кроме Москвы. Архиепископ Феофил отправился в Москву, и 15 декабря 1471 г. *в доме Пречистой Богоматери и великого Чюдотворца Петра* он был рукоположен в архиепископы Новгорода и Пскова, что утвердило полный триумф Москвы.

Было бы неполным в вопросе о политической зависимости Новгорода в 1470–1471 гг. не отразить позиции отдельных группировок, в частности, “пролитовской” и “промосковской”, которые выступали порой со своеобразными программами.

Определение “программа” автором применяется условно, и под ним понимается совокупность целей группировки и способов их достижения. В качестве основных источников используется рассказ о событиях 1470–

1471 гг. московских великокняжеских летописных сводов конца XV в. и договор 1471 г. между Новгородом и Казимиром, в которых ярче всего проявляются лозунги, провозглашаемые пролитовской группировкой. На основе московских летописных сводов можно восстановить общую *программу пролитовской группировки*, выдвинутую во время “кризиса отчины”. *Политический аспект* состоял в отказе от признания Ивана III сувереном Новгорода; в отказе от признания Новгорода отчиной великого князя Московского (т.е. Владимирского); в переходе под суверенитет короля Польши и великого князя Литовского Казимира. *Церковный аспект* заключался в хиротонии архиепископа не в Москве, а у литовского митрополита Григория.

Нужно полагать, что из “кризиса отчины” пролитовская группировка вышла победительницей, так как к Казимиру была послана делегация *Панфила Селифонтова и Кирилла Иванова сына Макарьина*. Пересказ обращения послов к Казимиру в Никаноровской летописи повторяет представленную программу с приложением еще просьбы новгородцев дать князя “из своей державы”. Летописец указанную просьбу связывает с прибытием Михаила Олельковича, однако это следует признать в качестве более позднего обобщения и соединения двух разных моментов, так как Михаил Олелькович прибыл в Новгород намного раньше, еще до отъезда вышеупомянутой делегации. Следовательно, в соответствии с московскими летописными сводами конца XV в., можно восстановить две основные части программы: во-первых, переход во власть Казимира, во-вторых, рукоположение архиепископа в Киеве у митрополита литовского.

Эту изложенную в общих чертах программу можно уточнить по сохранившемуся списку договора между Новгородом и Казимиром. Данный документ является бесценным для исследования нашей проблемы, поскольку именно в нем показаны стремления пролитовски настроенных новгородцев, по нему можно судить об их политической программе, кроме того, в отличие от летописных источников, он отличается точностью.

Таким образом, основным замыслом новгородцев пролитовской ориентации было сменить князя-суверена, предоставляя новому правителю (Казимиру), по сути, те же права, которыми обладал бывший суверен — великий князь Московский. К.В. Базилевич отмечает, что “сложившаяся почти за два столетия новгородская „пошлина” в отношениях между Новгородом и русскими князьями по этому договору переносилась на великого князя Литовского”. Как уже упоминалось, пролитовская группировка не стремилась к отказу от татарской зависимости, а желала лишь сменить посредника, собирающего сборы в пользу Орды.

Не углубляясь в сущность предоставляемых Казимиру прав, мы лишь еще раз обратимся к общим выводам Л.В.Черепнина, специаль-

но исследовавшего текст договора: "...новгородские бояре постарались видоизменить сложившиеся к этому времени нормы взаимоотношений с великокняжеской властью, добившись большего ограничения прав Казимира в Новгороде по сравнению с правами князя московского".

В любом случае, основная мысль договора остается все той же: Казимир должен был стать великим князем Новгородским, получить право иметь в Городище (недалеко от Новгорода) наместника (со своими судебными правами), тивуна и дворецкого, администрация которых должна была состоять из 50 людей и т.п.

Вторым важным стремлением пролитовской группировки Новгорода являлось обеспечение им помощи со стороны Казимира в случае войны с Москвой. Третья проблема связана с правами церкви. Во-первых, новгородцы стремятся защитить свое православие от возможного давления со стороны католичества.

В связи с этим ставятся следующие условия: 1) наместником короля должен быть православный; 2) королю не позволяется, *отымати* "православной веры новгородцев; 3) королю не позволяется строить католические церкви ни в Новгороде, ни в его пригородах, ни в Новгородской земле. Кроме того, новгородцы закрепляют за собой право рукоположения архиепископа по своему усмотрению: *"А где будешь намъ, Великому Новугороду, любо в своемъ православномъ хрестыанстве, тумы владыку поставимъ по своей воли"*. Данный пункт выделяется нами потому, что мы не считаем вышеизложенное лишь защитой православия. Это стремление укрепить довольно широкую самостоятельность новгородской архиепископии, не привязывая ее ни к московской, ни к литовской митрополиям, и освободиться от обязывающих обещаний Москве бывшего архиепископа Ионы, прочно связывающих Новгород с московской митрополией.

Сравнив данные договора с московскими летописными сведениями, можно обратить внимание на некое, на первый взгляд, несоответствие: в летописях говорится о стремлении рукоположить архиепископа в Киеве, в договоре — лишь о праве выбора новгородцев. Существенного противоречия здесь, наверное, нет. Просьба к королю (о рукоположении архиепископа) не обязательно должна была быть включена в содержание договора. О намерении рукоположить архиепископа у митрополита Литовского Григория упоминается во многих источниках, это лишь конкретный случай, а принципом должен был стать свободный выбор. Соответственно, и при создании союза с Казимиром у новгородцев осталась возможность лавировать. Принцип свободного выбора митрополита означал стремление утвердить фактическую автокефальность новгородской архиепископии.

Таким образом, обобщая *программу пролитовской группировки* 1470–1471 гг., можно свести ее к следующим положениям:

1) Отказ от признания великого князя Владимирского/Московского сувереном Новгорода, (а Новгорода — отчиной великого князя Владимирского/Московского). Переход под власть короля Польши и великого князя Литовского Казимира. Иными словами, переход из политической системы великого князя Владимирского в политическую систему великого князя Литовского. Важным представляется тот факт, что данный переход не должен был уменьшать прав Новгорода по отношению к новому суверену (была произведена попытка даже немного их расширить). Предусмотрено и сохранение подвластности татарам, при перенятии роли посредника Литвой.

2) Обеспечение Новгороду военной поддержки со стороны Казимира в войне против Москвы.

3) Рукоположение нареченного на владычество архиепископа у митрополита Литовского Григория, вместе с тем, укрепление права на рукоположение новгородского архиепископа по усмотрению Новгорода. Защита православия от возможного давления со стороны католичества.

Программа промосковской группировки наиболее ярко проявляется в период “кризиса отчины”. Однако о ней можно говорить и до того периода. После победы Феофила на архиепископских выборах (если он сначала и не принимал участия в деятельности промосковской группировки, то позднее, очевидно, оказывал на нее большое влияние или даже был одним из ее лидеров), промосковская группировка активизирует свои действия, даже начинает определять политику Новгорода. К Ивану III направляется Никита Ларионов “...опаса просити, чтобы нареченому их чернью Феофилу пожаловаль, велел быти к собе на Москву и поставити бы его велель /.../ митрополиту Филиппу /.../, яко же и прежде было при предних великих князей”.

Следовательно, представители промосковской группировки предполагали, что новый архиепископ должен был быть рукоположен в Москве, и аргументировали это традицией. В письме митрополита Филиппа находим также и пересказ послания Никиты Ларионова (здесь он именуется Микитой Савиным), дополняющий содержащиеся в официальной летописи сведения. В соответствии с данным пересказом, посол Новгорода также просил у митрополита заступиться за Феофила перед великим князем и велел бы (по сути — позволил) рукоположить его и не как угодно, а “в белом клобуке”. Результат достигнут: Иван III “пожаловаль съ коня сель”, что также указывает на то, к чему стремились представители промосковской группировки. Таким образом, Иван III отменил военные угрозы. Опираясь на вышеизложенные факты, можно говорить, что промосковская группировка стремилась не только договориться о рукоположении Феофила в Москве, но и урегулировать “кризис Василия Ананьина”.

В “Словесах избранных” даже утверждается, что при обращении с просьбой к митрополиту Филиппу и великой княгине Марии речь шла не только о Феофиле, но и о прибытии в Москву новгородских посадников и тысяцких. Хотя другие источники непосредственно не подтверждают данной информации, все-таки во втором письме митрополита Филиппа упоминается, что вместе с Феофилом должен был еще прибыть и кто-то из новгородцев. Видимо, воспользовавшись рукоположением Феофила, промосковская группировка намеревалась не только отдалить начало войны с Москвой либо вовсе избежать ее, но и, посылая уполномоченную делегацию из Новгорода, мирным путем разрешить застарелый конфликт с Москвой.

Достигнув своих целей в Москве, промосковская группировка, тем не менее, потерпела неудачу в самом Новгороде. По возвращении Никиты Ларионова вспыхнул “кризис отчины”, в результате которого укрепились позиции пролитовской группировки. В Московском летописном своде конца XV в. находим аргументы промосковской группировки против аргументов пролитовской группировки: *“за великого князя московского хотим по старине, какъ было прежде сего!”* *“Не лзе, брате, тому тако быти, яко же глаголате /.../а из начала отчина есмы тех великих князей от первого великого князя нашего Рюрика /.../И от того святого великого князя Владимира да иже и до сего господина нашего великого князя Ивана Василевича за Латиною есмя не бывали и архиепископа от них поставливали себе, яко же вы ныне хотите ставити от Григория, /.../а оученикъ той Сидоровъ сущей латининъ”.* *“К Москве хотимъ, к великому князю Ивану и ко отцу его митрополиту Филиппу, в православие!”.*

Позднее обращение посла великого князя было одобрено теми новгородцами, *“который не хотяще первого своего обычая и кресного целования преступити...”*.

Контраргументы промосковской группировки можно было бы обобщить так: традиция, обычай, старина; нежелание нарушить договор; нельзя признать сувереном Казимира, так как Новгород является отчиной великих князей, а Казимир является правителем “латынян” — этого еще никогда не было; нельзя рукополагать владыку у Григория, так как он является “латыняном”, учеником Исидора, а Новгород никогда не рукополагал архиепископа у “латынян”.

Рассмотрев контраргументы, можно смело утверждать, что вопрос о выборе политической зависимости Новгорода встал и в религиозном аспекте: правоверный “господин” противопоставлялся иноверному. Промосковская группировка широко использовала религиозные аргументы против “латынства”, то есть католичества короля Казимира и митрополита Григория. Таким образом, промосковская группировка отмежеввалась от находящейся в зависимости от унии православной церкви в

Литве и ориентировалась лишь на московскую автокефалию. Самостоятельность Новгорода ею воспринималась в рамках настоящих условий. Между тем, для пролитовской группировки настоящие положения не являлись актуальными и она их нарушала.

Представители промосковской ориентации не являлись сторонниками присоединения к Москве, как это могло бы показаться по названию группировки. Разница между промосковской и пролитовской группировками проявлялась не в позиции относительно присоединения или неприсоединения к Москве. Присоединение к Москве означало бы упразднение договорных отношений между Новгородом и Москвой и превращение Новгорода в часть великого княжества Московского. Такой цели не ставила перед собой в 1471 г. даже сама Москва (во всяком случае, открыто). Аргументация Москвы по сути и основана на сохранении “старины”. Москва выражает готовность “оказать милость” Новгороду, что на “языке” Москвы того времени означало неприкосновенность договорных отношений с Новгородом. Кроме того, и Коростынский договор “не прикасался” к основе договорных отношений. В.Л.Янин о различиях группировок пишет: “Несмотря на принципиальную общность боярской политики в отношении к Москве, внутри новгородского боярства в последний период самостоятельности существовали заметные градации. Если одна часть боярства придерживалась крайней политики решительного разрыва с Москвой /.../, то другая часть боярства признавала наилучшим способом самозащиты политику мелких уступок великому князю, поддержание возможного компромисса. /.../. Иными словами, так называемая “московская” ориентация части новгородского боярства имела тактически характер /... Так называемая “московская” ориентация — это синоним традиционной боярской политики в отношении к Москве, политики, которая всегда была антикняжеской и антимосковской во всем, что касалось внутреннего управления Новгородом, но которая в решении наиболее сложных внешних задач исходила из союзнических отношений с Москвой”.

С концепцией В.Л.Янина следует согласиться, так как она в полной мере отражает ситуацию 1470–1471 гг. Сторонники промосковской группировки просто думали о том, что Новгород и Москва могут прийти к соглашению мирным путем при сохранении бывшей номинальной зависимости, вместе с тем сохраняя и самостоятельность Новгорода. Отличительной чертой группировок являлся вопрос политической зависимости Новгорода: к какой политической системе нужно отнести Новгород — к системе великого князя Владимирского или Литовского. В обоих случаях Новгород не хотел поступаться самостоятельностью. Следовательно, как позиции промосковской группировки, так и позиции пролитовской совпадали в том, что самостоятельность Нов-

города необходимо сохранить, разнились лишь мнения относительно способов достижения данной цели.

Промосковская группировка не была склонна идти на значительные уступки, в том числе и в церковной сфере. Например, обращаясь к митрополиту Филиппу с просьбой о покровительстве, Никита Ларионов ставит условие, чтобы архиепископ был рукоположен *“въ беломъ клобуце”*, а это означает, что рукоположение в Москве не воспринималось как ущемление самостоятельности новгородской архиепископии. Напротив, этим подчеркивалась ее исключительность.

Программу промосковской группировки можно свести к следующему: во-первых, к стремлению сохранить зависимость Новгорода от великого князя Владимирского / Московского (не уменьшая самостоятельности Новгорода) и к сопротивлению признания великого князя Литовского сувереном Новгорода; во-вторых, разрешить мирным путем конфликт в отношениях с Москвой, возникший во время так называемого *“кризиса Василия Ананьина”*; в-третьих, рукоположить архиепископа у митрополита Московского по старой традиции; а также подчеркнуть исключительность прав Новгородской архиепископии.

В результате вышеизложенного по вопросу о политической зависимости Новгорода в 1470–1471 гг., можно прийти к следующим выводам:

1. Альтернативы выбора политической зависимости Новгорода в 1470–1471 гг. являлись следующими — остаться в политической системе великого князя Владимирского (фактически, Московского) или перейти под протекторат великого князя Литовского. Новгород решил уйти из-под власти Москвы и перейти под власть Литвы.

2. По отношению к политической зависимости Новгорода в 1470–1471 гг. можно выделить две группировки новгородцев. Условно их можно назвать *“пролитовской”* и *“промосковской”*.

Пролитовская группировка стремилась отказаться от зависимости Новгорода от великого князя Владимирского/Московского и перейти во власть великого князя Литовского, признавая его сувереном Новгорода (каковым до того времени являлся великий князь Владимирский/Московский), и предоставляя ему в соответствии с традицией права, принадлежащие суверену Новгорода (несколько урезанные). Взамен от Литвы требовалось защищать Новгород от Москвы. Литва также должна была перенять функции посредника между Новгородом и татарами. Рукоположение архиепископа должно было проходить у митрополита Киевского в Великом княжестве Литовском; тем не менее, это не должно было стать правилом — было проявлено стремление закрепить за Новгородом право выбрать место рукоположения архиепископа. Проявлялось и стремление защитить православие от возможного давления со стороны католичества.

Промосковская группировка стремилась сохранить зависимость Новгорода от великого князя Владимирского/Московского и выступала против признания великого князя Литовского сувереном Новгорода. Предлагалось мирным путем разрешить конфликт с Москвой. Архиепископ должен был, как и прежде, рукополагаться у митрополита Московского (официально — у митрополита Киевского, резиденция которого была в Москве). Явным было и стремление подчеркнуть исключительные права Новгородской архиепископии.

Ни одна из группировок не была склонна в 1470–1471 гг. уменьшать самостоятельность Новгорода, разнились лишь пути, которыми предлагалось защитить его самостоятельность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

- АИ. СПб., 1841. Т. 1.
ГВНП. М.; Л., 1949.
Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки // ПСРЛ. СПб., 1889. Т. 16.
Московский летописный свод конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25.
Никаноровская летопись. Сокращенные летописные своды конца XV века // ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27.
Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
Новгородская четвертая летопись // ПСРЛ. Л., 1925. Т. 4, вып. 2.
Псковская третья летопись // Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2.
Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1: Памятники XI—XV вв. / РИБ. СПб., 1880. Т. 4.
Софийская первая летопись // ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 6.
Типографская летопись // ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24.

ИССЛЕДОВАНИЯ

- Базилевич К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952.
Бернадский В. Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961.
Скринников Р. Г. Трагедия Новгорода. М., 1994.
Хорошев А. С. Церковь в социально-политической системе Новгородской феодальной республики. М., 1980.
Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV–XV веках. М., 1960.
Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. 1.
Янин В. Л. Новгородские акты XII–XV вв. М., 1991.
Янин В. Л. Новгородские посадники. М., 1962.
Янин В. Л. Очерки комплексного источниковедения: Средневековый Новгород. М., 1977.
Koneczny F. Litwa a Moskwa w latach. 1449–1492. Wilno, 1929.